

А. Н. Лобин

БИТВА ПОД ОРШЕЙ 1514 г. В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПРОБЛЕМА КРИТИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. В плену историографических мифов

8 сентября 2014 г. исполнится 500 лет сражению под Оршей, в котором объединенная польско-литовская армия разгромила войска воевод И. А. Челядина и М. И. Булгакова-Голицы. По идее, тема Оршанской битвы должна объединять между собой военных историков России, Украины, Польши, Литвы и Беларуси, поскольку в этом крупном сражении участвовали представители земель всех пяти современных государств — подобно тому, как тема Грюнвальдской битвы 1410 г. в настоящее время объединяет по интересам историков Западной и Восточной Европы. Только в 2010 г. в Польше, России и Беларуси прошло сразу несколько юбилейных «грюнвальдских» конференций, было издано несколько научно-популярных и научных работ. Однако в отношении Оршанской битвы этого процесса не наблюдается, скорее наоборот, в историографии так и не сформировалось научного направления по изучению военно-исторических аспектов сражения 1514 г.

В современной белорусской историографии сражение под Оршей имеет особенное значение. Как писал Г. Н. Саганович, с «объявлением суверенитета Республики Беларусь перед историографией независимого государства встала задача опровержения великодержавных российских и польских мифов и создания своей концепции истории, которая способствовала бы укреплению белорусской идентичности»¹.

¹ Сагановіч Г. Аршанская бітва 1514 г. — канфлікт гістарыяграфій і ідэнтычнасцяў. (Режим доступа: <http://www.jivebelarus.net/history/gistografia/orsha-battle-and-historical-identity-conflict.html>. Последнее посещение — 11.10.11).

В работах цитируемого автора, а также А. Грицкевича, Н. Ермаловича, О. Трусова, В. Орлова и других битва называется крупнейшим внешнеполитическим успехом Великого княжества Литовского в многовековом противостоянии с Россией («бітва еўрапейскага значэння»). Несмотря на то, что до сегодняшнего дня специального монографического исследования сражения так и не появилось, за период 1991–2011 гг. увидели свет несколько десятков популярных и научно-популярных брошюр и статей, повествующих о «грандиозном разгроме 80-тысячного московского войска»².

Тема Оршанской битвы в 1990-х гг., пожалуй, была одной из самых дискуссионных на страницах периодической печати. Появление многочисленной публицистики на эту тему в 1990-х – начале 2000-х гг. означало рост интереса к национальной военной истории.

В абсолютном большинстве статей 1990-х гг. победа кн. К. И. Острожского на Крапивенском поле трактовалась с патриотическим пафосом, в самих статьях неоднократно подчеркивалась необходимость празднования Оршанской битвы. В то же время появились работы противников празднования «дня воинской славы», трактовавшие события 1514 г. в традициях советской историографии.

Подобные идеологические баталии больше напоминают эмоциональные выпады, нежели результаты исторических исследований. Одна крайность — это когда в угоду какой-либо политической конъюнктуры преувеличиваются и превозносятся итоги сражения, но в то же время другой крайностью можно назвать стремление представить кампанию 1514 г. братоубийственной войной, главными поджигателями которой являлись Ватикан и Польская Корона³.

Подобные споры, метания из крайности в крайность, только служат во вред исторической науке, призванной изучать прошлое с опорой на принципы историзма. В целом и у сторонников, и у противников празднования «дня воинской славы» спор сводится к разным трактовкам одних и тех же известных и опубликованных исторических источников. Вопросы методологии, а также поиска и введения в научный оборот новых документов, в публикациях не поднимались.

К началу XXI в. ситуация, к сожалению, не изменилась. Наглядным примером служит одна из последних статей «Аршанская бітва 8 верасня 1514 г.», опубликованная в альманахе АРСНЕ. Автор публикации, В. Гарматный, фактически сделал компиляцию предыдущих работ белорусских коллег, поэтому статья не содержит никаких новых оригинальных выводов о ходе сражения⁴.

Получается странная ситуация: с одной стороны, событие под Оршей некоторые считают «крупнейшей битвой XVI столетия», но с другой стороны не существует труда, в котором бы взвешенно, с использованием современных методов исторических исследований проводился анализ одного из главных событий войны 1512–1522 гг.

---

² *Грыцкевіч А., Трусаў А.* Бітва пад Оршай // *Мастацтва Беларусі.* 1990. № 8. С. 29–30; *Грыцкевіч А.* 1) Бітва пад Оршай 8 верасня 1514 г. // *Спадчына.* 1992. № 6. С. 2–11; 2) Аршанская бітва 1514 г. // *Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя.* Т. 1: Абаленскі-Кадэцкія. Мінск, 2005. С. 250; *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.* Т. 1. Мінск, 1993. С. 187–188; *Беларуская Энцыклапедыя.* Т. 1. Мінск, 1996. С. 537–538; *Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск, 2000. С. 288; *Сагановіч Г.* 1) Айчыну сваю баронячы: Канстанцін Астрожскі. Мінск, 1992. С. 35–37; 2) Вайска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Мінск, 1994. С. 55; *Гісторыя Беларусі* са старажытных часоў да канца XVIII ст.: Курс лекцый. Мінск, 2000. Ч. 1. С. 297; і др.

³ *Амбражэвіч Н.* Оршанская бітва 1514 г.: Военно-исторический аспект. Мінск, 2003.

⁴ *Гарматны В.* Аршанская бітва 8 верасня 1514 г. // АРСНЕ. 2008. № 7–8. С. 169–180.

В целом можно выделить несколько историографических мифов и устойчивых ошибочных суждений современной историографии, касающихся численности противоборствующих сторон, результатов сражения и политических последствий сражения.

Так, в большинстве работ неоднократно повторяется тезис о победе «над 80 000 московском войском» втрое меньшими силами кн. К. И. Острожского. Некоторые исследователи, подчеркивая грандиозный разгром неприятеля, искусственно завышали и так преувеличенные данные хроник о количестве убитых и пленных «москвитов».

В качестве курьезного примера можно указать на статью д-ра ист. наук А. Грицкевича в энциклопедическом издании «Великое княжество Литовское», в которой говорится, что «потери московского войска насчитывали около 40 тыс. человек убитыми, в плен попали Булгаков-Голица, Челядин и еще 8 воевод, 17 других военачальников, 2 тыс. «детей боярских» и больше 2 тыс. воинов» (выделено нами. — А. Л.)⁵.

Белорусские историки, необдуманно использующие в своих работах подобные цифры, не ставят перед собой никаких проблем «логистического подхода», не прибегают к элементарным приемам «военной логистики». Как королю и великому князю Литовскому удалось собрать в 1514 г. до 35 000 солдат, если акты того времени свидетельствуют о низких темпах сбора посполитого рушения?⁶ Откуда взялось гигантское войско в 80 000 москвитов, если весь военный потенциал поместной конницы Руси был раза в четыре меньше этой цифры?⁷ Игнорируя приемы военной логистики, историки помещают эти огромные армии противников в излучину Днепра, между Оршей и р. Крапивной, но при этом не задаются вопросом — каким образом на поле протяженностью в 6–8 км и площадью в несколько десятков кв. км, изобилующем естественными преградами (холмами, ельниками и оврагами), «поместилось» более 110 000 воинов?

Польско-литовские источники свидетельствуют о значительном численном превосходстве «москвитов» над армией кн. К. И. Острожского, а между тем русские источники говорят об обратном («а сила не нарядна была, а инии в отъезде были, а литва пришла изнарядяся на них»). С источниковедческой точки зрения, нет никаких причин отдавать предпочтение одному нарративному источнику и игнорировать другой. Причина отбора источника и степень доверия к нему должны быть вдумчиво объяснены. Недостаточное внимание к вопросам военной истории привело к тому, что уровень научных исследований об Оршанской битве совершенно не соответствует общему уровню развития исторической науки.

Некоторые историки, справедливо подчеркивая оборонительный характер войны для ВКЛ, акцентировали особое внимание на участии в сражении «белорусских воинов»⁸. Важно было подчеркнуть значительное присутствие в нем белорусов, связав тем самым битву с национальной историей. Но как показывают документы, основная часть войска состояла из поляков и наемников-европейцев (венгров, чехов, моравов, сербов), которых насчитывалось до 2/3 всего войска. В построениях на поле боя они заняли

⁵ *Грыцкевіч А.* Аршанская бітва 1514 г. // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: У 2 т. Т. 1: Абаленскі-Кадэцкія. Мінск, 2007. С. 249–251.

⁶ *Лобин А. Н.* К вопросу о численности и составе польско-литовской армии в битве под Оршей 1514 г. // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Мінск, 2010. С. 18–42.

⁷ См.: «...И бе их столько, еже несть числа»: Сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в.?: Форум // SSBP. 2009. № 1/2. С. 45–150.

⁸ *Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. С. 289.

левое крыло и центр⁹. Собственно воины ВКЛ занимали только одно крыло — правое. Таким образом, нет никаких оснований считать, как это делают некоторые современные белорусские историки, что значительную численность войска короля составляли белорусские воины, которые сыграли главную роль в битве.

Главным военно-политическим результатом сражения у Орши современники битвы и хронисты XVI в. считали «защиту суверенитета» Литвы и Польши от нашествия полчищ московитов. Этот тезис со временем перешел и на страницы работ по истории и стал аксиоматическим утверждением. При этом анализ российских источников не производился. Изучение летописей и разрядных книг позволяет ответить на несколько важных вопросов: что из себя представляла русская армия, собранная на «днепровском рубеже» к 8 сентября 1514 г., каков ее командный состав, из каких отрядов поместной конницы она состояла?¹⁰

В современной литературе к важным внешнеполитическим последствиям битвы под Оршей относят распад коалиции Империи, Тевтонского ордена и России против Польской Короны и ВКЛ. Этот тезис базируется на старых априорных утверждениях, берущих начало в пропагандистском поле 1514–1515 гг. Однако внимательное изучение дипломатических документов показывает, что проект союза распался еще до злополучного сражения.

Хитрый «цесарь» Максимилиан решил не связывать себя обязательствами, оговоренными его же послом Георгом Шнитценпаумером в Москве в марте 1514 г. В текст заключенного весной договора на имперском совете в Гмундене 4 августа 1514 г. были внесены значительные изменения: вместо четких пунктов о совместной войне против Ягеллонов предлагалось прежде попытаться мирным путем склонять польского короля к удовлетворению требований союзников и только в случае его отказа исполнить эти требования открыть военные действия. После того как в декабре 1514 г. имперские послы Я. Ослер и М. Бургшталлер доставили исправленную грамоту в Москву, государь Василий Иоаннович категорически отказался от такого изменения в договоре. В конечном итоге все это привело к «заморозке» русско-австрийского союза¹¹.

Королевская посольская служба, отслеживающая русско-имперские переговоры, не знала об изменениях в договоре и не могла догадываться о последствиях поправок к соглашению, внесенных по инициативе Максимилиана. Объективно говоря, даже если бы битва под Оршей не состоялась, подписание русско-австрийского договора в «гмунденовской» редакции августа 1514 г. вряд ли произошло бы. Тем не менее, при дворе Ягеллонов искренне считали, что результаты битвы прямым образом повлияли на разрыв габсбургско-московского союза. Серьезный внешнеполитический эффект имели не столько последствия самой битвы, сколько пропагандистская деятельность ягеллонской дипломатии.

После краткого историографического обзора вывод напрашивается неутешительный: на сегодняшний день в белорусской академической литературе нет публикаций об Оршанском сражении, соответствующих научным критериям, отсутствуют серьезные

---

⁹ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 380.

¹⁰ «...и Бе их столько, еже несть числа»... С. 60–67.

¹¹ См. подробнее: *Писаревский Г.* К истории сношений России с Германией в начале XVI века // ЧОИДР. 1895. № 2. С. 8–9; *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem ende des 15. Jahrhunderts. Bd. I. Wien; Leipzig, 1906. S. 84–86.

научные разработки в области методологии военной истории. Так и не появилось новых оригинальных работ, свободных от политической конъюнктуры, не увидели свет новые источники, способные расширить представления об Оршанской битве. К сожалению, отсутствие монографического исследования с выдержанной научной методологией не может компенсироваться наличием большого количества статей с явным политическим окрасом, также как и почти полное отсутствие разработки источниковой базы не может компенсироваться многократным пересказом одних и тех же сведений нарративных источников.

Особенностью белорусской историографии постсоветского периода является наличие национально ориентированных работ, в которых интерпретация внешнеполитических событий проходит в рамках заданной концепции, с преувеличением значения одних исторических фактов и преуменьшением или игнорированием других.

Главными проблемами, препятствующими выяснению военно-исторических аспектов кампании 1514 г., являются преобладание идеолого-политических взглядов над объективизмом, неразработанность источниковой базы, а также недостаточный учет белорусскими историками вопросов военно-практического характера.

Справедливости ради следует заметить, что часть указанных критических замечаний можно также применить к литовской, российской и польской историографии. По-прежнему, из работы в работу кочуют мифы, берущие начало в пропагандистской публицистике 1514–1515 гг. Вполне объяснимо не критическое восприятие нарративных известий историками XVIII–XIX вв., но совершенно непонятны мотивы историков Новейшего времени, которые следуют либо национальным концепциям, либо сложившимся историографическим традициям. И ничего нового, кроме стремления следовать этим концепциям и традициям, в таких работах не найти.

Подобный подход к исследованию вызывает, мягко говоря, полное недоумение. Во-первых, используются только известные опубликованные тенденциозные источники, и рассуждения о степени их достоверности ведутся в рамках уже известного науке нарратива. Источниковая база за последние десятилетия практически не расширилась ни «вширь», ни «вглубь». Во-вторых, в историографии сложилось ошибочное мнение, что новых документов об Оршанском сражении найти невозможно, вследствие крайне неудовлетворительного состояния источниковой базы.

Единственный выход из данной ситуации видится в том, чтобы исследовать события осени 1514 г. «с чистого листа», без априорных утверждений и пересказов сложившихся стереотипов. На первый план исследования выходят проблемы критики исторических источников и проблемы поиска новых документальных свидетельств.

2. Проблемы поиска новых источников

Значительное число источников остается неопубликованным как в российских, так и в иностранных архивных собраниях. Сложность в исследовании заключается еще и в том, что написаны они на разных языках: латинском, польском, немецком, итальянском, старобелорусском и т. д.

В этой работе нам хотелось бы поделиться своими результатами поисков новых источников, проливающих свет на события пятисотлетней давности.

Особую ценность представляют так называемые «мобилизационные документы» — акты 1514 г. (постановления и решения сеймов, наем и отправка жолнеров, предвари-

тельные списки и реестры войск и т. д.) в составе неопубликованной 7-й книги записей Литовской метрики (РГАДА, книга-копия конца XVI в.)¹². Однако эти акты метрики в исследовании битвы белорусскими историками не использовались, несмотря на то, что в Национальном историческом архиве Беларуси имеется микрофильм данной книги записей¹³. Материалы книги охватывают интересующий нас период с сентября 1511 г. по апрель 1514 г.¹⁴, но наиболее ценны для нас документы «о обороне земской», такие как: «Обмова с паны радами», «Окружная грамота» и списки нанятых для военной кампании «служебных», датированные апрелем–маем 1514 г.

Полученные из Вильны победные реляции отложились также в фондах Национальной библиотеки св. Марка в Венеции (Biblioteca Nazionale Marciana), в собраниях итальянских и латинских рукописей. Копия самого первого известия о битве, письмо Сигизмунда своему брату Владиславу от 12 сентября, в котором упоминаются столкновения с передовыми отрядами московитов 28 августа и 1 сентября, переправа через Борисфен (Днепр) и «славная победа в день св. Марии над восьмьюдесятью тысячами врагов». Там же находятся послания венецианским патрициям с сообщениями о поражении москвитян и дальнейшей борьбе с врагами веры (от 29 сентября и 22 октября)¹⁵.

Заслуживают самого пристального внимания документы из собрания исторического Кенигсбергского тайного архива (ныне собрание Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz — GStAPK), поскольку они дают новые сведения о малоизвестных эпизодах «Великой битвы» 1514 г.

Донесения агентов Тевтонского ордена в Вильно и Пскове, доклады великому магистру комтуров и фогтов, сообщения осведомленных лиц и т. д. — весь этот интереснейший комплекс документов долгое время оставался неизвестным большинству исследователей. В отличие от тенденциозных источников русского и литовского происхождения, отражающих интересы проигравшей и победившей сторон, орденские документы представляют собой «взгляд со стороны». В них содержатся новые данные о составе и численности польско-литовской армии, о ходе битвы у Днепра, об обстоятельствах пленения «московитских герцогов», о потерях «московитов» и политических последствиях сражения. К примеру, в письме орденского комтура Мемеля Михеля фон Швабена (Michel von Swaben, Ordens comptur zuer Memel), написанном буквально накануне сражения, 3 сентября, на основании шпионских донесений приводится исчисление польско-литовских войск короля, собранных к концу августа под Борисовым, которое разительно отличается от сведений позднейших польско-литовских хроник: «И король, как сказывают, привел 12 тысяч чужеземного народа, позднее прибыли еще 5 тыс., и также было много наций: литовцы, русские, татары, жемойты и другие народы» (Nu hot der konigk, wie man spricht, XII tausent man fremdis volks, und sal noch komen V tausent, vnd hat sunst auch vil volk Littawen, Russen, Thatern, Samaiten und ander volk)¹⁶.

¹² Книги справь поселских, так тежь данинь и иньших листовъ поточныхъ за панованья Короля Его Милости Жикгимонта Старого // РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Ч. 1. Кн. 7. — Всего в книге 653 л. (нумерация постраничная, всего 1298 пронумерованных страниц).

¹³ ИАБ. КМФ-18 (Ф. 389). Оп. 1. Д. 7.

¹⁴ Надо заметить, что копии посольских документов, переписанных польской транскрипцией в XVIII в., содержатся еще в кн. № 193 из AGAD (Archiwum Główne Akt Dawnych), некоторые из них опубликованы К. Пуласким (*Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515): Akta i listy.* Warszawa, 1881).

¹⁵ Biblioteca Nazionale Marciana (Venezia). Cod. marc. I. VII, 437, fol. 167–168, 263, 264–265. — Сведения любезно предоставлены руководителем Отдела рукописей Суси Маркон (Susi Marcon).

¹⁶ GStAPK. OVA. 20202. Fol. 3.

Одним из самых интересных источников являются донесения агентов Ордена из Пскова, написанные спустя неделю после битвы. Шокирующие известия о поражении достигли города 16 сентября 1514 г.: «воинство Его Королевского Величества дало сражение под Оршей на [Д]неп[р]е, и значительное число москвитов было там убито и захвачено в плен живыми; как говорят, около 2 тыс.» (konincklike magestat folk hebbenn eyne slachtynge geholdenn by Orse an der Nepe unnd eyne mercklike sint der Moskowiter totgeslagenn unnd lewendich gefanngen, so men secht, by П^М). Приведенный пример показывает, насколько «публичные» сведения отличались от разведывательных данных. Как видим, общие потери сразу после сражения определялись всего в 2 тыс. человек — это в 15–20 раз меньше, чем в пропагандистских польско-литовских сочинениях.

Таким образом, документы архива магистров Тевтонского ордена — ценнейший источник по изучению «великой битвы»¹⁷.

Неизвестные документы (в том числе и шпионские донесения) о «большом сражении москвитов» могут храниться в собрании Maximiliana-Akten или других фондах Haus-, Hof-, und Staatsarchiv (Wien), поскольку события на литовско-русском фронте были объектом пристального внимания императора Священной Римской Империи, главного инициатора антигеллонской коалиции. Необходим дальнейший поиск документов, прежде всего в зарубежных собраниях.

3. Вопросы критики исторических источников

В историческом контексте, выражаясь словами В. О. Ключевского, важно отличать действительность от того, в каком виде событие запечатлелось в памяти потомства. Также необходимо разграничивать реальные военно-политические результаты битвы и последствия пропагандистской кампании. Часто победители выдавали желаемое за действительное с целью возвеличить победу и показать ее грандиозность. Проигравшая сторона, наоборот, свое поражение либо замалчивала, либо упоминала лаконично и мимолетно. Все эти факторы необходимо учитывать при исследовании военно-политического значения той или иной битвы. В первую очередь следует обратить внимание на то, какие последствия битвы видели или *желали видеть* ее современники.

Самый большой пласт источников об Оршанской битве — это победные реляции и пропагандистские сочинения, появившиеся почти сразу после сражения, в 1514–1515 гг. Однако при обращении к таким тенденциозным источникам историки порою забывают, что главная функция подобных изданий — пропаганда, в данном случае — пропаганда «польских легионов, превосходящих и искусностью в военном деле, и силой духа и тела» («legionesque polone, et rei bellice peritia et animi corporisque fortitudine superiores»). Важно изучить эволюцию победных реляций, в каких условиях и при каких обстоятельствах они составлялись, какие цели преследовали авторы посланий.

Первые победные реляции были составлены под впечатлением разгрома армии И. А. Челядина и М. И. Булгакова уже через несколько дней в ставке короля, в лагере под Борисовым («in castris apud Borissow»). По сообщению венецианского посла в Венгрии доктора Антонио Сурьяни, само послание от 12 сентября, т. е. через четыре дня

¹⁷ См. обзор источников: Лобин А. Н. Новые источники о битве под Оршей 1514 г. из собрания Кенигсбергского тайного архива // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 71–72. — Автор совместно с С. В. Полоховым готовит эти источники к публикации.

после сражения, было составлено для венгерского короля Владислава. Через день Сигизмунд написал властям Пруссии и Ливонии, что в ходе сражения «восемьдесят тысяч московитов разбиты и рассеяны, из которых тридцать тысяч полегло на поле сражения; и восемь самых родовитых и главных воевод и советников, и тридцать семь князей, баронов, и более полутора тысяч дворян попали в плен» (*octoginta millia Moscovitarum una acie fudit fugavitque, quorum triginta millia sunt caesa, octo summi et praecipui eorum voyewodae et consilarii, triginta septem duces, barones et officiales cum aliis supra mille quingenlis nobilebus viris capli*)¹⁸.

Следующее письмо было отправлено 18 сентября папе римскому Льву X, однако число пленных московитов указано еще большее — 2000 человек. Послания с известиями о победе почти одновременно получили также епископ Ян Конарский, кардинал Джулио Медичи и Венецианская синьория¹⁹.

Однако уже в первых известиях можно встретить противоречия. В послании архиепископу Яну Ласскому от 25 сентября 1514 г. король писал, что на поле сражения валялись «простерты на 8 [римских] миль горы трупов врагов, там на месте битвы лежало более шестнадцати тысяч» (*«hostium cadavera ad octo miliaria veluti frugum manipulos strata et ipso loco pugne super sedecim millia»*)²⁰. Других лиц Сигизмунд Казимирович информировал о 30-тысячных потерях, а в скором времени цифры возросли до 40 000. В сентябре и октябре 1514 г. канцелярия Сигизмунда в своих действиях не была последовательна и еще не определилась с окончательным «подсчетом» потерь противника, однако поспешила распространить первые официальные известия, в которых отсутствовала какая-либо целостная картина битвы.

Данные о численности войск брались совершенно произвольно, и вряд ли у нас имеются основания доверять сведениям, вышедшим из-под пера королевской канцелярии, конструировавшимся с одной целью — с помощью «тьмочисленных» цифр произвести грандиозное впечатление. Надо также учесть, что следующие реляции были написаны в ожидании дальнейших побед над московитами. Вести с русско-литовского фронта до конца сентября поступали действительно обнадеживающие. Крепости Дубровна, Мстиславль и Кричев без сопротивления вновь перешли в подданство великого князя Литовского.

После значимой победы великий князь Литовский отправил кн. К. И. Острожскому весь свой резерв — 4000 воинов²¹. Но когда князь неудачно пытался взять Смоленск, потеряв под стенами крепости много людей и часть обоза, перед канцелярией были поставлены следующие задачи: во-первых, сгладить неудачу под Смоленском, во-вторых, усилить пропагандистский эффект от Оршанской битвы.

Естественно, канцелярия Сигизмунда Старого изрядно постаралась, чтобы затушевать неудачу под Смоленском описанием масштабов «великой битвы» и ее последствий. Разгром мифических «80 000 схизматиков» автоматически означал, что Литва и Польша спасена от «нашествия орд московитов». О войнах Великого княжества Литовского (*Lithuani*) либо вообще не упоминалось, либо упоминалось вскользь, поляки (*Poloni*)

---

¹⁸ GStAPK. OBA. 20209. Fol. 1 (послание Великому магистру); OBA. 20210. Fol. 1 (послание магистру Ливонии). — Оба письма написаны на латыни.

¹⁹ Acta Tomiciana: Epistole, legationes, responsa, actiones, res gesta Sigismundi I Regis Poloniae. Posnaniae, 1853. Т. III. P. 181, 183, 186–187, 157, 180, 252–253.

²⁰ Acta Tomiciana. Т. III. P. 184–185.

²¹ Acta Tomiciana. Т. III. P. 6.

же в таких летучих листках выступали форпостом католического запада в борьбе против «схизматиков». С начала 1515 г. появилось большое количество поэтических произведений, посвященных триумфу Сигизмунда²².

Важно отметить еще один момент: распространение сведений о 80 000 разбитых схизматиков велось только в европейских странах, а в посланиях Сигизмунда восточным правителям такой мотив отсутствует. Чем это можно объяснить? Если европейских правителей можно было пугать «ордами схизматиков» и «московитской угрозой», то хвастливые речи о разгроме мифических 80 000 могли вызвать насмешку у Гиреев, хорошо знавших вооруженные силы своих врагов. Поэтому своих восточных союзников Сигизмунд оповещал о победе без использования каких-либо цифр. В послании от 18 ноября Махмет-Гирею Сигизмунд писал, что с Божьей помощью, «поразивши войска» неприятеля, литовские войска пошли под Смоленск «и весь тот край пустошили»²³. О победе сказано слишком лаконично, всего одной строчкой, а основная часть послания посвящена планам по совместным действиям против Василия Ивановича. О численности разбитого врага вообще не говорилось.

Одновременно с этим посланием было составлено письмо Мухаммеду Амину, казанскому хану. Сражение описано уже не одной, а несколькими строчками: «...сами с ним велики ступны бой мели, и з Божию помощью войско его все на голову есмо поразили... замки наши... к нашей руке взяли». О трофеях сказано, что взяты в плен «и воеводы и князи и пановие его радные», однако ни о численности разгромленного врага, ни о количестве убитых или захваченных в плен также ничего не говорилось²⁴.

Здесь интересно отметить двойственность позиции короля. Казалось бы, триумф Оршанской битвы открывал перед ним широкие возможности разгрома опасного соседа. В сентябрьских сообщениях Сигизмунд еще надеялся по горячим следам отвоевать Смоленск. Когда авантюра провалилась, тон в посланиях стал менее воинственен. В ноябрьском послании крымскому хану в ноябре 1514 г. Сигизмунд писал о том, что время настало «непогодливое», поэтому «мусили есмо войско нашо земьское распустити, а другое войско нашо жольнерское чужоземцов конных и пеших положили есмо на замьках наших украиньных у Полоцку и в Витебску. А как реки и болота померзнут, а тыи люди наши конем троху опочинут, казали есмо им в землю неприятеля нашего тягнути, шкоды чинити и обеды нашое мстити, сколко нам Бог поможет, про то и если бы сын твой, брат мой Махмет Гирей солтан, всо на конь свой всел, а на того неприятеля твоего и нашего потягнул»²⁵.

Итак, приведенные примеры показывают, что при внимательном изучении текстов реляций и сообщений за период с 1514 по 1515 г. раскрываются значительные изменения в их содержании: от восторженных откликов, говорящих о пике достигнутого успеха, до умеренно-взвешенного тона, свидетельствующего о стабилизации дел на литовско-русском фронте. В публичных сочинениях, предназначенных для просвещенных европейцев, был значительно усилен пропагандистский эффект. Естественно, что фактиче-

---

²² Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50.

²³ Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich... S. 438; Книги справь посельских... С. 574.

²⁴ Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich... S. 439; Книги справь посельских... С. 575.

²⁵ Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich... S. 327–438; Книги справь посельских... С. 574.

ская достоверность поэм, воспевающих победу над «схизматиками», гораздо слабее их литературно-художественной выразительности.

Следует особо подчеркнуть, что из актов королевской канцелярии и пропагандистских сочинений 1514–1515 гг. черпали сведения хронисты XVI века. В изучении военных аспектов битвы по-прежнему актуален вопрос о том, в какой мере правомерно использовать нарратив для реконструкции сражения пятисотлетней давности. Белорусско-литовские летописи и хроники С. Гурского, С. Сарницкого, М. Стрыйковского, М. Бельского, Й. Деция, несомненно, представляют интерес, однако в них также можно встретить противоречивую информацию. А поскольку хронисты использовали разные источники сведений, то и численность польско-литовской армии в их сочинениях приводится разная — 16 000, 17 000, 25 000, 30 000, 33 000, 35 000.

Вполне закономерен вопрос — откуда же взялись эти цифры? Очевидно, здесь мы сталкиваемся с отголосками пропаганды канцелярии Сигизмунда Казимировича, в которой отсутствовала какая-либо целостная картина состояния польско-литовской армии. Следует обратить внимание на условия, при которых создавалась масштабная ягеллонская пропаганда. Рассказывая о разгроме «Москвы», численность которой «всем известна» (80 000), необходимо было продемонстрировать европейцам (в том числе и потенциальным врагам — тевтонскому магистру, например) грандиозность сражения, показать сильную духом армию короля, сплоченную общими интересами и ненавистью к тьмочисленным варварам. При этом численность убитых москвитов в хрониках 1520–1580-х гг., как в реляциях 1514–1515 гг., также варьируется в пределах 30–40 тыс. человек.

Таким образом, тиражируемый в научных изданиях миф о численности как русской, так и польско-литовской армий основан на некритическом восприятии известий хронистов XVI в. Фантастические цифры, соответствовавшие историографической концепции о грандиозности «битвы европейского значения», были восприняты историками безо всяких оговорок.

Данное обстоятельство в очередной раз показывает, насколько важна процедура верификации (подтверждения данных на основе представления объективных свидетельств), интерпретации (истолкования, объяснения) и идентификации (отождествления объектов, опознания) сведений.

Работа с новыми источниками вызывает определенные сложности. Так, упомянутые выше тевтонские донесения составлялись на основе устных рассказов, слухов, визуальных наблюдений, изложений своими словами увиденной документации, следовательно, в них могут присутствовать неточности, ошибки, оговорки. В некоторых случаях сложно идентифицировать упомянутых в посланиях лиц. Например, в донесении от 16 сентября динабургскому комтуру среди убитых упоминаются имена воевод Peremeskeho и некоего Gerick Sasenskeho. Идентификация здесь затруднена, можно строить только догадки (под первым, очевидно, имелся ввиду князь или воевода Перемышля, некогда вотчины князей Воротынских, а под вторым — некое должностное лицо из Сосенского стана Московского уезда?)²⁶.

Первым среди погибших воевод упомянут в этом донесении некий Михель Шелادي (Mychell Schelady). Агент, скорее всего, по ошибке объединил имена двух главных

---

²⁶ GStAPK. OVA. 20215. Fol. 2.

воевод **Михаила** Булгакова и Ивана **Челядина**, в итоге появился какой-то Михаил Ч(Ш)елади. Надо отметить, что ни тот, ни другой не были убиты — оба попали в плен. Похожую ошибку можно встретить в донесении хаускомтура крепости Рагнит от 26 ноября 1514 г., который сообщал о новых известиях из Вильно, касающихся захваченных поляками доказательств соглашения императора и московского государя: «...в этом сражении захвачен был герцог именем Андрей, воевода из Новгорода» (in dieser schlachtung vorgangen ist gefangen worden ein herzog mit namen Andreas woiboth zu Naugarden)²⁷. Хаускомтур подробно перечислил содержание захваченных у воеводы «статей» (artickel) соглашения между Максимилианом и Василием Ивановичем. Возникает вопрос об идентификации «герцога Андреаса» — среди пленных «московитов» воевода с таким именем не фигурирует. Зато в списке «вязней» есть боярин конюший Иван *Андреевич* Челядин, главнокомандующий русской армией, у которого по статусу могли быть важные политические документы.

В заключении хотелось бы отметить, что при изучении военно-исторических аспектов сражения 1514 г. важна не только интерпретация источников, но и их понимание — в каких условиях, при каких обстоятельствах создавался тот или иной документ и какие цели преследовали его составители. К примеру, пропагандистский памфлет направлен для влияния на общественное мнение; информативное письмо написано с задачей уведомить лицо о произошедших событиях; наконец, секретное донесение предназначено только для узкого круга лиц, т. к. оно содержит разведывательные данные для принятия политических решений. Особенность документа в какой-то мере может определять и степень достоверности источника о ходе битвы, численности, потерях и политических результатах сражения.

Данные о статье:

Автор: Лобин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, ФГБУ «Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управление делами Президента РФ», руководитель группы научно-методических разработок, Санкт-Петербург, Россия, alobin@mail.ru

Заголовок: Битва под Оршей 1514 г. в современной белорусской историографии и проблема критики исторических источников

Резюме: В статье рассматриваются основные историографические мифы Оршанской битвы 8 сентября 1514 г. Главными проблемами белорусской историографии, препятствующими выяснению военно-исторических аспектов кампании 1514 г., являются преобладание идеолого-политических взглядов над объективизмом, неразработанность источниковой базы, а также недостаточный учёт историками вопросов военно-практического характера. В статье приводится ряд новых документов, обозначаются задачи поиска, анализа и критики исторических источников

Ключевые слова: битва под Оршей 1514 г., русско-литовская война, Великое княжество Литовское

Литература, использованная в статье:

Амбражевич, Николай. Оршанская битва 1514 г.: Военно-исторический аспект. Минск: Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь, 2003. 40 с.

Арлоў, Уладзімер, Сагановіч, Генадзь. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862–1918): Падзеі, даты, ілюстрацыі. 3-е выд. Вільня: Наша Будучыня, 2002. 223 с.

Гарматны, Виталь. Аршанская бітва 8 верасня 1514 г. // ARCHE. 2008. № 7–8. С. 169–180.

²⁷ GStAPK. OBA. 20267. Fol. 1. — Опубл.: *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Theil I (1510–1517). Leipzig, 1892. S. 234–235. Nr. 78.

Граля, Иероним. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. Москва, 1992. С. 46–50.

«...и бе их столько, еже несть числа»: Сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в.? Форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. №1. С. 45–150.

Ермаловіч, Миколай. Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск: Беллітфонд, 2003. 448 с.

Лобин, Алексей Николаевич. Новые источники о битве под Оршей 1514 г. из собрания Кёнигсбергского тайного архива // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 71–72.

Лобин, Алексей Николаевич. К вопросу о численности и составе польско-литовской армии в битве под Оршей 1514 г. // Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Мінск: БІП-С ПЛЮС, 2010. С. 18–42.

Сагановіч, Генадзь. Вайска Вялікага княства Літоўскага ў XVI-XVII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1994. 79 с.

Сагановіч, Генадзь. Айчыну сваю баронячы: Канстанцін Астрожскі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 62 с.

Information about the article

Author: Lobin, Alexei Nikolaevich, Ph. D. in History, head of scientific-methods development group, The National Congress Palace, St.-Petersburg, Russia, alobin@mail.ru

Title: The Battle of Orsha in 1514 in modern Belarusian historiography and the problem of criticism of historical sources

Abstract: The paper deals with the main historiographical myths about Orsha battle in 1514. The main problems of the Belarusian historiography are the predominance of ideological and political views on objectivism, undeveloped source base and lack of consideration by historians of questions concerning military and practical nature. The article provides a number of new documents, identifies the problem of finding, analysis and criticism of historical sources

Key words: military service, Grand Duchy of Lithuania, History of Lithuania, Orsha Battle 1514

References (Transliteration)

Ambrazhevich, Nikolay. *Orshanskaya bitva 1514 g.: Voенно-istoricheskiy aspekt*. Minsk: Institut social'no-politicheskikh issledovaniy pri Administracii Prezidenta Respubliki Belarus', 2003. 40 s.

Arlov, Uladzimer; Saganovich, Genadz'. *Dzesjac' v'jakov belaruskay gistoryi (862–1918)*: Padzei, daty, iljustracyi. 3-e vyd. Vil'nya: Nasha Buduchynja, 2002. 223 s.

Garmatny, Vital'. Arshanskaja bitva 8 verasnja 2524 g., in *ARCHE*. 2008. №7–8. S. 169–180.

Gralya, Ieronim. Motivy «orshanskogo triumfa» v jagellonskoy propaganda, in *Problemy otechestvennoy istorii i kul'tury perioda feodalizma: Chteniya pamyati V. B. Kobrina*. Moskva, 1992. S. 46–50.

«...и бе их stol'ko, ezhe nest' chisla»: Skol'ko voinov voevalo v Russkoj armii v XVI v.?: Forum, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1. S. 45–150.

Ermalovich, Mikolay. *Belaruskaya dzyarzhava Vyalikae Knyastva Litovskae*. Minsk: Bellitfond, 2003. 448 s.

Lobin, Aleksei Nikolaevich. Novye istochniki o bitve pod Orshey 1514 g. iz sobraniya Kyonigsbergskogo taynogo arhiva, in *Drevnyaya Rus'*: Voprosy medievistiki. 2011. № 3 (45). S. 71–72.

Lobin, Aleksei Nikolaevich. K voprosu o chislennosti i sostave pol'sko-litovskoy armii v bitve pod Orshey 1514 g., in *Problemy integracii i inkarpacii v razvicii Central'noj i Ushodnjaj Eyropy v peryad ramnyaga Novaga chasu*. Minsk: BIP-S PLUS, 2010. S. 18–42.

Saganovich, Genadz'. *Vayska Vyalikaga knyastva Litoyskaga ŷ XVI–XVII stst*. Minsk: Navuka i tekhnika, 1994. 79 s.

Saganovich, Genadz'. *Aychynu svayu baronyachy*: Kanstancin Astrozhski. Minsk: Navuka i tekhnika, 1992. 62 s.